

Гусейнов Гасан

ИСТОРИЯ ВСЕГО:
ЛЕКЦИИ О МИФЕ

Гусейнов Гасан

История всего: лекции о мифе

«Издательские решения»

Гасан Г.

История всего: лекции о мифе / Г. Гасан — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-834105-2

Книга Гасана Гусейнова «История всего: лекции о мифе» — увлекательное чтение об античности и не только. В ее основе лежат лекции, прочитанные для издательского дома «ПостНаука». В них, как и в других работах автора, далекое прошлое вступает в диалог с настоящим. Прожорливый Кронос, трусливый Зевс, капризный Эрот уже не просто герои мифов — они наши современники, которые заново открывают телесность и пол, вдохновляют панков и отвечают на ключевые вопросы современной культуры.

ISBN 978-5-44-834105-2

© Гасан Г.

© Издательские решения

Содержание

Введение.	6
Раздел 1. Лекции о мифе ²	8
Исследования древнегреческой мифологии	8
Почему миф ускользает от периодизации	11
Почему Кронос ел своих детей	15
Логика мифа	16
Древнегреческий миф и язык	19
Конец ознакомительного фрагмента.	20

История всего: лекции о мифе

Гусейнов Гасан

© Гусейнов Гасан, 2016

© Владислава Дмитриевна Бумбак, дизайн обложки, 2016

© Гасан Чингизович Гусейнов, фотографии, 2016

Редактор Лариса Валерьевна Сулова

Редактор Юрий Александрович Голайдо

Редактор Марат Харисович Кузаев

Редактор Владислав Викторович Непийпов

Редактор Владимир Дмитриевич Дингес

Редактор Виктория Николаевна Черных

ISBN 978-5-4483-4105-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Введение. Зачем вам античность?

Мыслительный прыжок во времени и пространстве, который вам предстоит совершить, чтобы только прикоснуться к главным памятникам античной литературы: зачем он?

Как сказал бы один из патриархов русской классической филологии, Фаддей Францевич Зелинский, из холодной северной страны, лежащей во льдах между Сахалином и Магаданом А. П. Чехова или А. И. Солженицына и Петербургом Ф. М. Достоевского или Александра Блока, вам предстоит зачем-то перелететь к Средиземноморью. Предстоит начать читать о Троянской войне, воспетой почти три тысячи лет назад на языке, который для большинства из вас, к сожалению, так и останется чужим, даже если вы потратите несколько лет на его изучение. Так зачем переноситься?

Может быть, достаточно сказать о традиции? Но всех ли устроит это объяснение? Мне, например, этого было бы мало. Хотя, конечно, есть что-то понятное и вполне объяснимое, я чуть не сказал «естественное» в том, что человек первым делом обращается к культуре того мира, откуда когда-то принесли азбуку для его родного языка. Да, сама кириллица обязывает нас, носителей русского языка, дернуться в первом филологическом рвении к главным истокам русской азбуки – древнегреческому и древнееврейскому. Но есть и другое, я бы сказал – прагматическое и актуальное, а по-русски говоря, остро необходимое в обращении к античной литературе и мифологии: без нее невозможно понять, о чем говорит русская и западная литература сегодня и почему она говорит так, а не иначе.

Вот замечательное стихотворение Николая Алексеевича Заболоцкого «Возвращение с работы» (1954):

Вокруг села бродили грозы,
И часто, полные тоски,
Удары молнии сквозь слезы
ломали небо на куски.
Хлестало, словно из баклаги,
И над собранием берез
Пир электричества и влаги
Сливался в яростный хаос.
А мы шагали по дороге
Среди кустарников и трав,
Как древнегреческие боги,
Трезубцы в облако подняв¹.

На первый взгляд, упомянутые здесь греческие слова «электричество» и «хаос», как и прямая отсылка к «древнегреческим богам», чисто декоративны. Но так ли это? Воспоминание о подневольной работе в бытность автора в заключении держится на пантеистической формуле Заболоцкого, которая станет вам близка и понятна, когда вы познакомитесь с мифологической картиной мира греков (я бы рекомендовал вам обязательно прочитать прекрасную книгу моего учителя – профессора Азы Алибековны Тахо-Годи «Греческая мифология»). К чему сводится эта формула? К тому, что человек, тот самый полуголый ээк с вилами, иронически сравнивающий себя с олимпийским божеством Посейдоном, – остается в вечном про-

---

¹ Н. А. Заболоцкий Стихотворения и поэмы. – Ростов-на-Дону: Ирбис, 1999.

тивоборстве с хаосом. «Хаос» – это первобытная бездна, предшествовавшая появлению мира, но это и «хасма» – страшная пасть, которая может распахнуться в любой момент, и, даже стоя под которой, ты должен, беря пример с богов, не выпускать из рук трезубца. Меня могут спросить, а зачем нужен такой вот обратный перевод Заболоцкого на язык греческой мифологии? Отвечу: потому что сам поэт просит об этом своего читателя. Заболоцкий переводит опыт безвинно осужденного на рабский труд на язык культурного сообщества. Не случайно тут даже избрание Посейдона – самого «хаотичного» и буйного из всех олимпийцев. Греческая мифология здесь не что иное, как другая природа, объяснительная схема сосуществования человека и природы.

Есть и еще одно важное свойство у стихотворения Заболоцкого, которое отсылает нас к античности: оно не только серьезно, но и иронично. Ирония эта выражена столкновением не вполне поэтических слов «электричество» и «древнегреческий» со стандартными поэтизмами, ударением в слове «хаос». И эта ирония не романтическая, а сократическая: здесь удовольствие, даже наслаждение моментом, сращено с болью, но узнать эту боль может только посвященный.

Раздел 1. Лекции о мифе²

Исследования древнегреческой мифологии

Солярная или лунарная теория греческой мифологии. – Этиологические мифы – мифы о происхождении мира. – Миф в психоанализе. – Эвгемеризм, материалистическая теория мифа. – Естественно-научное направление. – Идея числа. – Миф как толкование ритуалов. – Лингвистическая теория мифа.

Исследований и теорий греческого мифа столько же, сколько и самих мифов. Их, действительно, очень много, и нужно объяснить, почему их так много, почему сам миф уже является исследованием себя самого. Слово «миф» означает связное повествование или представление чего-то как связного повествования.

В те времена, когда люди, в том числе, древние греки, не знали письменности, основными содержательными комплексами, которые мы можем привязать к мифологии, были изображения. Для того чтобы правильно истолковать изображение, нужно придумать рассказ о нем. Самая ранняя форма мифов – это объяснение того, почему именно этот рассказ правильный. Для того чтобы представить масштаб и пестроту разных теорий греческого мифа, с которыми мы имеем дело, достаточно сказать, что греческие мифы описывают небосвод, небосклон: у каждой звездочки, у каждого созвездия есть имя, и почти за каждым созвездием скрывается повествование, какая-то история – вот основания для так называемой солярной, или лунарной теории греческой мифологии. Греческая мифология – это не что иное, как наиболее раннее описание причин, по которым звездное небо выглядит так, как оно выглядит.

Представьте себе, что вы опускаетесь глубоко под землю, туда, где в Аттике, в области центра, которым были Афины, находятся Лаврийские рудники, где добывают серебро. Кроме серебра там, в глубине, какие-то драгоценные камни. И выясняется, что все эти камни, все эти металлы, руды, травы тоже представляют собой мир, целиком описываемый в повествовательном строе греческой мифологии. Там мы обнаруживаем для каждого дерева, для каждой травки имя мифологического персонажа, и этот мифологический персонаж оказывается такой, потому что у него была такая судьба. Вот знаменитая картина Александра Иванова «Аполлон, Гиацинт и Кипарис» – антропоморфное изображение трех юношей. А что такое гиацинт и кипарис? Это растения, в которые были превращены эти подростки, потому что они убежали от Аполлона. Они хотели скрыться от него, и он в наказание превратил их в эти растения.

Это повествование представляет собой только один маленький пиксель из огромного полотна, которое целиком лежит в растительной области. И первые теории греческого мифа и вообще индоевропейской мифологии говорят о том, что мифы развивались и возникли как иносказания природы. Это этиологические мифы, или мифы о происхождении мира, – первые теории возникли там.

Если мы совершим прыжок в не такие отдаленные времена, туда, где царствует наука о душе – психология, – туда, где царит психоанализ, мы обнаружим новую картину. Оказывается, начиная с Вильгельма Вундта и заканчивая Юнгом, величайшие психологи конца XIX – начала XX столетия открыли миф как представление человеческого бессознательного и коллективного бессознательного, если говорить об архетипах Юнга.

---

² лекции из этого раздела впервые были прочитаны для издательского дома ПН

Миф нужен этой науке как объяснительный механизм работы бессознательного, а в сущности – работы нашего сознания.

Самое «простое» представление о мифологии – это представление, которое восходит к Эвгемеру, ученому III века, и эта теория называется его именем. Представление о том, что мифы – это отложившиеся предания об исторических персонажах, которые были примерно такими же, как те исторические персонажи, которых мы знаем, но просто жили в глубокой древности, и документов никаких не осталось, письменности не было. Поэтому некоторые из этих персонажей слились с другими, дед оказался тождественен внуку, и таким образом сложились представления о Зевсе, об олимпийской семье и так далее. Это представление тоже довольно распространенное, представление, которое иногда считают материалистическим, потому что оно говорит нам о том, что есть некая реальность. Просто она очень далеко уходит корнями в глубокую древность, когда никаких достоверных сведений у нас об этом нет.

Есть представление о мифе, которое можно называть естественно-научным, и это тоже очень серьезное представление. Когда мы говорим о теории так называемого Большого взрыва, то чем не прообраз для этой теории греческое представление о хаосе: вот эта страшная пасть раскрывается, возникает пространство и время. Не есть ли это раннее представление о Большом взрыве? Само это представление о Большом взрыве как о событии тоже несет мифологические черты, потому что мы пытаемся назвать обычным именем процесс, очень трудно представимый с помощью обычных слов, которыми мы пользуемся. Вот почему миф оказывается в этой точке предтечей естественно-научного знания и точных наук.

Что такое вообще теория? Теория – это созерцание. Это такой взгляд на вещь, когда вещь говорит сама за себя. Поэтому всякий теоретик хотел бы максимально формализовать свою теорию, дать ей числовое выражение, перевести ее из описательного языка в язык или на язык, которым легко поделиться с другими, потому что это знание максимально формализовано. Это знание, которое можно выразить в числе. Тут же выясняем, что идея числа у греков – не только у Платона, но и до Платона, у Пифагора – это идея сакральная, это идея, которая представлялась древним, тайным знанием. Это в мифическом представлении греков чистая мистика, то есть знание, к которому можно приобщиться, только если ты посвящен. Если ты становишься мистом, если ты осваиваешь это таинственное знание недоступным для других людей способом. Конечно, это прямо противоположно современной науке, современная наука вся построена на идее абсолютной открытости и возможности передать знание, возможности освоить его и сделать доступным другим. Мифический взгляд прямо противоположный: это тайное, волшебное знание. Но ниточка, связывающая их, все-таки число и представление о числе, которое сложилось в недрах мифического представления о мире.

Поэтому, говоря об исследованиях греческой мифологии, мы оказываемся в точке, из которой можем пойти и в сторону поэзии, аллегорического толкования, и в сторону естественно-научного описания, и в сторону точной аналитической науки, и, наконец, мы можем просто любоваться изображениями.

Несмотря на необычайное богатство мифологической традиции, первые исследования мифов – наверное, до середины XIX века – рассматривали и изучали мифы как иносказание, как представление чего-то другого: другой истории, других социальных отношений или иносказаний об устройстве Вселенной. И только начиная, с одной стороны, с психологов, с Вундта, Фрейда, а с другой стороны, начиная со структурного метода, миф стал интересовать сам по себе, как самостоятельная структура. Одно из главных имен здесь, конечно, Клод Леви-Стросс, который внес огромный вклад в изучение мифологии самой по себе, мифа самого по себе, и все многочисленные исследователи, которые более или менее шли по его следам.

Особый интерес представляют исследователи мифологии, которые видели в мифе представление, изложение, пересказ, истолкование древних ритуалов.

Это тоже довольно древняя теория. Основания для ритуальной теории мифологии дали уже греческие трагики и комедиографы, потому что они представляли в сильно искаженном, видоизмененном спектакле толкование мифа иногда протонаучного толка. Толкование того, что происходило с Прометеем, с Эдипом. Если бы не эта познавательная, исследовательская линия уже у Еврипида и Софокла, то их последователи и исследователи из других областей науки не использовали бы греческий миф в качестве такого замечательного приема и в качестве материала для построения своих теорий.

Очень важна лингвистическая теория мифа – теория, представление о мифологии как о недрах, внутри которых зародился наш язык. Для меня, как филолога, главная исследовательская база и исследовательская теория, которая привязывает и толкует миф в связи с языком, – это теория Бронислава Малиновского, внесшего огромный вклад в понимание мифа именно как языка, как языка культуры. Развивая эти идеи, можно сказать, что и язык, на котором мы говорим, на котором мы пишем, с помощью которого мы думаем и без которого мы не думаем, – это тоже мифическая сущность. Это тоже миф.

Почему миф ускользает от периодизации

Минотавр

На какой вопрос пытается ответить миф. – Зачем нужна периодизация предметов исследования.

Великий шахматист Давид Бронштейн никогда не был чемпионом мира и не выигрывал крупных турниров по очень интересной причине: он довольно долго думал перед первым ходом. И это очень странно: человек ведь приходит, уже зная, у него есть какие-то заготовки. Почему же он сразу не делал первый ход, когда играл белыми? Очень долго думал – иногда 10—12 минут – в каждой партии.

Когда говорят о периодизации мифологии, серьезный исследователь мифа тоже должен на какой-то момент замереть и поразмышлять, как великий шахматист Давид Бронштейн. Он должен подумать: а с чего, собственно, ему начать? Потому что «миф» – это греческое слово в русском языке. Все, что в нашем, да и в других европейских языках, связано с мифологией, познанием и познавательными процедурами, знанием, логикой, существует на греческом. Такой кусочек греческого языка внутри другого языка, и все мы знаем это слово – «миф».

В мифе сочетается одновременно выдумка, фантазия: что-то волшебное и что-то, наоборот, истинное и точное, знание, которым можно поделиться и в котором нельзя ошибиться. Нельзя ошибиться, например, в том, что Афина – богиня-девственница и родилась из головы Зевса. А родилась она оттого, что Зевс проглотил свою возлюбленную Метиду, беременную Афиной, потому что боялся, что эта возлюбленная родит сына и этот сын сгонит его с Олимпа.

Мы знаем, что в физическом смысле это не могло быть так. И мы ни в коем случае не можем перепутать Афину с Афродитой, которая, наоборот, даже старше Зевса и родилась до него из семени оскотенного Урана. Мы понимаем, что миф – это повествование о вымысле, но есть и другое толкование. Греческая мифология – если вы в детстве читали какие-то изложения мифологии – представляет собой очень развернутый ответ на вопрос «Отчего этот мир такой? Как он стал таким?».

С тех пор, когда и самого времени не было, и до нашей сегодняшней повседневности, всюду то и дело выпрыгивает какой-то мифологический персонаж, какое-то существо: от древнего Хаоса, из которого все возникло, из этой пасти, до какого-нибудь Геракла. О человеке, который, например, совершил дома генеральную уборку, давно запланированную, мы можем услышать, что он вычистил авгиевы конюшни. И мы все понимаем, что это означает. В нашем быту это есть. Но это есть в глубокой древности, а местом встречи этой древности и современности является некое место в Греции или в другой части Восточного Средиземноморья.

Внутри этого огромного временного пространства довольно трудно найти относительно точно определяемые эпохи, которые бы его размечали и указывали, что это вот было до того, а это было после. Но эту задачу пытались решить и греческие, и римские мифографы, то есть люди, записывавшие и переписывавшие мифы. Только счет шел не по абсолютной шкале времени, а по относительной – генеалогической. Она-то и давала сбои. Периодизацией мифологии занимался, по-своему, конечно, и самый первый поэт – слепой старец Гомер, которому приписываются поэмы «Илиада» и «Одиссея». И, конечно, этим занимаются ученые, начиная примерно с середины XIX века, когда появилась наука мифология, или этнология, этнография, – наука о преданиях разных народов. Периодизация волнует, конечно, всех. Почему? Потому что она свидетельствует, что мы понимаем сущность нашего предмета. До того, как вы периодизировали вашу науку, вы толком не можете сказать, чем вы занимаетесь. Периодизация позволяет вам поставить эти границы.

Но когда говорят о мифе, возникает проблема: он ускользает от периодизации. Первые произведения мировой литературы, в которых излагается греческая мифологическая традиция, – «Илиада» и «Одиссея». И другое произведение, по времени примерно тогда же созданное, как полагают, и это «как полагают» очень важно, потому что у нас нет никаких твердых, точных сведений о том, что это было именно в эти века создано, – я имею в виду «Теогонию» Гесиода, или поэму о происхождении богов. Эти важнейшие памятники сами по себе уже являются толкованием и попыткой периодизации мифологической традиции.

Однако эти поэмы были сочинены в эпоху дописьменную, когда главное представление мифа, еще не сложенного в связный сюжет, было изобразительным, предметным. Вот этот камень – это пупок Зевса. И мы должны понимать, что это его пупок. А вот это поле, на котором растут пионы, небольшие горные пионы, – это брови Зевса. А весь этот мир – это тело Зевса. Это представление первично по отношению к сюжетам, которые связаны с Зевсом, или с Герой, или с каким-то другим божеством.

А под землей, под горой, под представлением о том, что происходило с Зевсом и другими олимпийскими богами, оказывается еще более древняя эпоха, когда боги выглядели не так, как люди – как думали впоследствии, как мы знаем из античной скульптуры или из живописи Нового времени, – а представляли собой каких-то чудовищ. Эта фаза чудовищ, змей, драконов – тератоморфная эпоха, – как полагают, предшествовала представлению о человекообразных богах.

А за тератоморфной эпохой... Тут возникает вопрос: а что было раньше, до того? И оказывается, что до того, до чудовищ в представлении носителей так называемого мифологического сознания были абстрактные категории. Но ведь абстрактные категории с точки зрения современного человека – порождения более позднего времени. Но если мы пытаемся навязать греческому мифу какую-то периодизацию, то мы вынуждены сказать, что греки на самой ран-

ней стадии своего развития представляли себе темноту и свет, ночь и день как мифологические существа, что они оживляли в своем сознании, в своем воображении, в своей фантазии то, что мы сейчас называем абстрактными категориями.

Конечно, это вздор, но это очень удобный вздор. Это тот вздор, с помощью которого мы можем читать, например, «Теогонию» Гесиода. И, читая «Теогонию» Гесиода, мы обнаруживаем, что она сама по себе воспроизводит некую схему периодизации, в которой самые ранние стадии понимания мифа как универсального объяснения мироздания совпадают с самыми поздними стадиями понимания мифа как предтечи философии и естественных наук.

Таким образом, представление о том, что когда-то давно боги были чудовищами, а потом им на смену приходят человекообразные боги, а потом боги сходятся с людьми, появляются герои, а за веком героев следует век обычных людей, уже оторвавшихся от богов, – сама эта схема представляет собой попытку вписать периодизацию мифологии в понятные нам рамки истории и легенд. И этот парадокс, эта фундаментальная трудность сродни трудностям, которые испытывает историк, изучающий историю по книгам или в лучшем случае по старым газетам, когда он вдруг оказывается на археологических раскопках.

Вдруг исследователь видит, что история для археолога выглядит совсем по-другому. Вот дворец, в котором произошел пожар, рухнула крыша, крыша упала на пол, и настоящий историк-археолог должен ходить по этой площадке, и он должен отличить, где то, что лежит здесь, было полом, а где то, что было крышей. Где то, что было внизу, а где то, что было наверху. И точно так же мифолог вынужден считаться с тем, что в каждом сюжете, в каждом повествовании одновременно присутствует сжатый, сплюснутый предмет или прото-сюжет, а на нем, в виде напластований, неразлично слились самые разные эпохи, иногда – в одном образе.

Достаточно назвать такие мифы, как миф, например, о Минотавре и лабиринте. Внутри этого сюжета есть и тератоморфная фаза – ужас от страшного чудовища, сына Пасифаи от быка. А с другой стороны, вся эта история – это история о цивилизаторской миссии, о Дедале – строителе лабиринта, о замечательном открытии архитектуры, которое на наших глазах происходило на Крите.

Затрудняет обычную периодизацию греческой мифологии как, скажем, историческую периодизацию какого-то явления, еще и то обстоятельство, что очень часто мы имеем дело не просто с сюжетом, все персонажи которого принадлежат, например, этой местности или какому-то кругу героев, более или менее локализуемых. Зачастую это совсем не так. Как правило, это соединение сюжетов, в которых действуют пришлые персонажи. Эти новички каждый раз, приходя в Восточное Средиземноморье, меняли всю картину. Один из лучших примеров этого – бог Дионис, или Вакх, который пришел из Малой Азии и перестроил всю мифологическую картину, существовавшую в Греции до него. Вдобавок его отождествили с местными персонажами, например, с аттическими, которые приобрели черты этого пришедшего нового божества.

Или Аполлон: казалось бы, с ним все совершенно ясно. Более того, у нас в голове есть схема, которую мы унаследовали от Ницше в последней трети XIX столетия: противопоставление Аполлона как носителя ясности, света и рациональности – Дионису как божеству стихийному, страстному. Но это представление очень позднее и литературное, а сам Аполлон бесконечно далек от единства. Это не один образ, это очень сложный мифический персонаж, это комбинированное божество, которое есть и волк, и солнце, и ворон. Все его животные и растительные ипостаси говорят, что периодизировать появление этого божества едва ли возможно. Но как иначе показать, как и кем оно было в разные эпохи, показать развитие одного мифологического персонажа.

Поэтому мы вынуждены считаться с тем, что современные представления о периодизации греческой мифологии довольно простые. Есть у нее чудовищная фаза, есть фаза антропоморфная, и, наконец, наступает фаза переосмысления всей этой мифологии в литературе,

в искусстве, в психологии, в социальной психологии. И всякий раз такое переосмысление заставляет пересмотреть и всю традиционную периодизацию. Но вот внутри мифа времени нет, либо оно искривляется для того, чтобы угодить повествованию, сюжету. Прометей принадлежит старшему поколению богов (по сравнению с Зевсом), он – титан. Но за преступления, состоявшие в том, что помогал людям, существам злокозненным и готовым отвернуться от богов, был наказан, очутившись в чужой эпохе. Сам акт «передачи огня» отражает древнейшую доисторическую фазу развития человечества, а вот акт передачи памяти об этом событии в повествовании может быть весьма поздним по меркам истории. Постоянное переосмысление мифической традиции и составляет главную специфику мифа как явления духовной жизни. Как и в самом языке, самые древние пласты могут проявиться в относительно поздних текстах и изобразительных комплексах.

Почему Кронос ел своих детей

Как настоящее пожирает будущее. – Кронос и его дети. – Элементы древнегреческого мифа в современном обиходе.

Чтобы получить разумный ответ на поставленный в заглавии вопрос, мы должны разобраться, о какой ипостаси Кроноса мы говорим. Если это персонаж мифа или божество, родителями которого были Уран и Гея, сводной сестрой – Афродита, а детьми – Зевс, Посейдон и другие, то ответ очень прост: Кронос поедал своих детей из страха. Ему было предсказано, что кто-то из детей его свергнет, а другого способа избавиться от следующего поколения пока не придумали. Кстати, и в разговорном языке нашем это представление живо: «такого-то съели» – говорят, конечно, о человеке, потерявшем должность, другими словами, функциональный Кронос живет в каждом из нас.

Далее, уже древние философы представляли Кроноса как аллегию всепожирающего времени, и главный атрибут его – серп, которым он дал ход этому времени. Серп его – это материальная «бритва Оккама»: оскпив Урана, Кронос остановил появление новых сущностей, из-за которых утроба Геи могла бы взорваться, вернув мир в состояние хаоса. Но тут возникло новое противоречие: пожирая собственных детей, Кронос питался силой будущего, чтобы утолить свою похоть (или сохранять власть) в вечно длящемся настоящем. Золотой век для каждого владыки, который организует для себя вечность, собственно говоря, в этом и состоит, хотя для всех остальных уже «время прошло». Иначе говоря, «золотой век» – это миф о понимании времени как пожирании настоящим будущего или о попытке иметь бытие без становления.

Отсюда – вся мифология Зевса, который сумел перехитрить своего отца, запустив процедуру становления, от которой и сам когда-нибудь погибнет. Вся греческая мифология вышла из желудка Кроноса, и возможности ее отнюдь не исчерпаны. Для того чтобы одолеть питавшегося потомками Кроноса, Зевс сошелся с Метидой, и та подсказала ему, как вызвать у сына Урана и Геи вселенскую рвоту. Благодаря этому освободившиеся братья и сестры Зевса пришли ему на помощь, и в итоге одолели Кроноса. Но проклятие страха и желание «заесть» чужое будущее ради сохранения собственной власти распространялось и на Зевса, который впоследствии проглатывает Метиду, узнав, что та родит ему сына, который его свергнет. Стало быть, с биологической точки зрения, это еще и миф о наследственности, а дальше – всем известный рассказ о рождении девы Афины из головы Зевса.

Молот Гефеста, разбивший голову Зевса, чтобы выпустить оттуда Афину, и серп Кроноса, которым был оскплен Уран, благодаря чему появилась на свет Афродита, – это и всеобщие символы созидательной деятельности, подпорченные позднейшими политическими пертурбациями, но все еще заслуживающие размышления.

Здесь мы вступаем в следующую важную область алчности, кревоугодия как творческой деятельности. Когда мы охотно читаем, мы говорим, что «проглатываем» страницу за страницей. Мы «пожираем глазами» прекрасных. Даже смеясь над поэтическим бессильем Валерия Брюсова, мы не забудем его «несытых рук»³. За всем этим бытовым пониманием жажды обладания стоит миф о Кроносе. Страх лишиться того, что появилось благодаря тебе самому, – достаточно привычное и знакомое явление. Кронос живет и в Зевсе, и во всех остальных, и в нас. Тошнота, тоска от нежелания наступления будущего, также может послужить объяснением, почему Кронос ел своих детей.

---

³ См. финал стихотворения Non satius (1912): Вновь я хочу все изведать, что было, И – чего не было – вновь! Руки несытые я простираю К солнцу и в сумрак опять! Руки несытые я простираю К струнам: им должно звучать! Руки несытые я простираю, Чтобы весь мир осознать! Руки несытые я простираю – Милое тело обнять!

Логика мифа

Почему человек стремится постичь тайну мироздания. – Как миф помогает объясняет ее. – Миф как способ выживания во времени.

Когда мы произносим миф и логос, сразу возникает вопрос, русские это слова или греческие? С одной стороны, конечно, они греческие, заимствованные. С другой стороны, в русском языке они, как теперь говорят, прописаны, и от них никуда нельзя деться: миф, мифология, логика, что-то логично, что-то нелогично. «В начале было Слово» по-гречески звучит «эн архе эн хо Логос». Логос – греческое слово, означающее «слово», и вместе с тем совершенно русское. То же можно сказать и про миф – он также означает «слово». Стало быть, встречаются три многозначности: многозначность греческих слов миф и логос, многозначность этих слов, уже заимствованных русским языком, и многозначность русского слова «слово», которое может означать и что-то безмерно серьезное, и что-то безмерно легковесное. Этот контраст особенно хорошо виден в диапазоне значений слова миф.

Говорят, что миф – это что-то волшебное, ненастоящее или то, что было так давно, что никто не помнит. Но вместе с тем миф, оказывается, обладает объясняющей силой. Вот мы знаем, что Сизиф толкает в гору камень, тот скатывается вниз, и мы понимаем, что это – солнце. А урожай собирают потому, что дождем, падающим с неба на землю, Уран совокупился с Геей, и та дала плоды. Это и неправда, и правда. Вот почему внутреннее противоречие, которое содержится в самом нашем понимании греческо-русского слова миф, нуждается в постоянно освежаемом анализе.

Например, миф – это представление о том, что дождь идет, потому что, как греки говорили, «Зеус хюэй» – Зевс пишет. Так как Зевс – величайшее божество, его моча прозрачна, как дождевая вода. А, например, пионы, которые цветут в мае-июне в зависимости от климата, древние греки считали бровями Зевса. Мы понимаем, что так говорится не по-настоящему, понарошку. Или число 14, сакральное число Геры, божественной супруги Зевса, а Олимпийских богов – 12. За этими числами ничего особенного не стоит, но это нечто сакральное, некий набор представлений, которые объясняют мир волшебным образом, вызывая сначала к нашему воображению, а потом уже – к нашему соображению. И мы начинаем понимать, что всякое число таково. Математика – сакральная наука. Она обеспечивает познание некой беспримесной истины. Так вот, и само это представление вполне мифологично. Три русских слова – «шифр», «зеро» и «цифра» – происходят от одного арабского слова, обозначающего «нуль», или по-латыни – «никакой». Узнаете? Это же ответ Одиссея на вопрос Полифема, как твое имя? Никто, ответил Одиссей. Греческие и римские математики этого нашего нуля не знали, зато знали и развивали философию не-сущего. У них была словесная, описательная теория небытия и даже теория перехода из этого мира в мир иной. Мифологическое описание, например, рек подземного царства, океана, жизни на Островах Блаженных, – тоже сакрализация математических интуиций, оставшаяся с человечеством и после того, как оно узнало о существовании отрицательных чисел и других математических чудесах. Даже 12 подвигов Геракла можно понять и описать так, чтобы люди увидели самую строгую и обыкновенную математику сквозь философию числа, а исчисление и его методы поняли как нечто чудесное.

Например, мы все понимаем, что наука доказала: Зевса нет, а дождь идет из туч, то есть имеют место некие физические явления. И вместе с тем, по какой-то не совсем понятной причине, у всех народов сохраняется представление о таком вот «праповествовании» о мире, и его следы и опорные точки до сих пор живут в нас. Мы даже не отказываемся в языке от неправильных описаний мироздания. Мы говорим, например, что солнце встает и садится, хотя никто не сомневается, что это земля наша летит вокруг солнца. Это значит, что человек предпочитает

жить в мире с далеким историческим прошлым своего языка и, отчасти, своих представлений. Мало того, человек даже вполне исторические события с удовольствием мифологизирует, или объясняет эти события как чудо, или, если они ему не нравятся, готов объявить их никогда не существовавшими, и тогда сама эта ложь превращается в опасный миф.

Например, мы имеем представление о семье, где есть глава, который может ассоциироваться с Зевсом, или с кем-то другим. У нас есть представление о бунте младшего поколения против старшего, и греческая мифология демонстрирует страшные примеры этой вечной войны, где отец пожирает своих детей, и тогда сын убивает его. И мы понимаем, что в этом мифическом объяснении содержится какое-то зерно, которое не сводится к волшебству и индустриализации, а выражает самую сердцевину загадочности мира, в котором мы живем. «Отцы и дети» И. С. Тургенева, разговоры о «революциях, которые пожирают своих детей», – за всем этим миф не столько о семье, сколько о власти. В этом мифе о владыке, который всю свою жизнь боится, что его свергнет кто-то из сыновей, коренится постоянно возобновляемый урок, о котором незадолго до расцвета тоталитаризма в Европе говорил Альберт Эйнштейн.

Например, в некоторых диалогах Платона слово «миф» употребляется не просто в значении «слово, повествование», а в значении «закон, на основании которого дела обстоят так-то и так-то». Иными словами, миф – это ложное, волшебное, фантастическое описание действительности, и ее происхождения, за которым у всех нас существует некоторое зернышко – как та горошина, на которой ворочается принцесса, – в котором содержится некая пранаука, объясняющая все мироздание в целом. Она может быть фантастичной или описываемой каким-то слишком простым и даже топорным языком, но она постулируется как необходимая, как условная точка отсчета. Поэтому Платон и называет «мифологией» законотворческую деятельность: ведь законодатель заинтересован в законе, которого все боятся и которому все подчиняются. А это возможно только с законами, освященными абсолютным авторитетом.

Например, нам часто говорят, что миф это совсем не то, что логос. Миф представляет собой всеобщее, универсальное описание происхождения Вселенной, которое понятно и ребенку, и взрослому, и умному, и глупому, и ученому, и неученому: есть какое-то верховное божество, которое мы можем отождествлять, например, с солнцем или с громом и молнией. Как не обожествить явление природы? Как не посмотреть на природу как на невероятное чудо?

Эйнштейн говорит об этом так (пер. Ю. Шейнкера): «Тайны природы для нас – это источники наиболее прекрасных переживаний. Это фундаментальные эмоции, которые стоят у колыбели истинного искусства и истинной науки. Кто этого не знает, кто потерял способность удивляться и изумляться – все равно что мертвец и глаза его тусклы. Ведь переживания таинственного – даже если смешаны со страхом – породили религию. Знание того, что существует нечто непроницаемое для постижения, наше восприятие глубочайших причин и самой лучистой красоты, которые лишь в самой примитивной форме постигаются нашим разумом – именно это знание образует истинную религию. В этом и только в этом смысле я являюсь глубоко религиозным человеком. Я не могу мыслить о боге, который награждает и наказывает свои творения. Я также не могу и не хочу мыслить об индивидууме, который переживает свою физическую смерть. Пусть слабые души из страха или абсурдного эгоизма лелеют такие мысли. Мне достаточно проблесков в познании чудесной структуры мироздания, познания частицы, пусть всегда крошечной, Великой Причины, обнаруживающей себя в Природе».

Итак, нам предлагают начать различать, расплетать, а это область логоса. Это – тоже речь, разговор, который разбирает устройство, структуру. И этот разговор ведется по строгим правилам, которые называются логикой. Мы говорим, что есть два типа реальности: загадки и тайны. Загадка создана для того, чтобы мы ее разгадывали, а тайна не может быть разгадана. Прикладная наука занимается загадками, а фундаментальная наука занимается тайнами. Покажите мне человека, который постиг тайну мироздания – его нет. Но мы хотим быть к ней приобщенными. И мы приобщаемся к ней через миф, всем нам понятное универсальное повест-

вание, хотя мы условились, что это универсальное повествование не совсем реально. Оно волшебное, в нем много фантазии, но мы решили, что принимаем это как рамочные условия взгляда на мир как на живое существо. Вот почему философы ходят в обоих направления – то от мифа к логосу, то от логоса к мифу. И в зависимости от направления движения они видят разные вещи.

Например, мир вещей, неужели и в нем есть что-то мифичное? Мы с вами живые люди, и поэтому мир вещей для нас тоже живой: не только деревья, но и камни живые. Прошлое пропало, и мы логически понимаем, что его не восстановить. Если у кого-то ушли родные, ушли учителя, мы знаем, что их нет. Они не вернуться. Но они – с нами, и это наш личный миф. Наше личное повествование о своей судьбе – это тоже миф. Старые люди имели своих бабушек и дедушек, и когда в семье живут старики, они все время вспоминают историю из их жизни. Эти истории обрастают какими-то новыми подробностями. То, что рассказывает бабушка, совсем не обязательно правда, но ее история в жизни нескольких поколений одной семьи становится семейным мифом, объяснением, почему в этой семье происходит что-то: потому что бабушка рассказывала, что ее дедушка сделал то-то и то-то. И поэтому какая-нибудь семейная безделушка, иногда – пучок сухой травы, становится для человека вещью, разглядывая которую, он передает семейный миф дальше.

Следовательно, миф – это не только универсальное и общее, но еще и частное. Это то, что присуще каждому человеку с его личной биографией, которая растянута между прошлым и будущим. С этой точки зрения, миф – это способ выживания во времени. Если бы он не сворачивал, не подчинял себе потоки времени, то мы бы жили страшно нервно, все время боялись бы ежесекундного исчезновения текущего момента. Будущего еще нет, прошлого уже нет, а настоящее время постоянно пропадает. Мы бы не знали, на что опереться. Мы опираемся на представление о вечности, а представление о вечности целиком мифично.

Древнегреческий миф и язык

Понимание языка через миф. – Как миф знает то, чего сам человек не знает?

Когда мы говорим «греческий миф и язык», мы должны делать скидку на то, что мы говорим не о греческом мифе и греческом языке, а мы говорим о греческом мифе и о любом другом языке, который пользуется греческим словом «миф». В данном случае мы говорим о мифе и о русском языке, вообще о всяком европейском языке.

Первым делом всякий нам скажет: «Это вообще тавтология, потому что миф – это и есть язык: слово, повествование, речь». Конечно, есть и другие обозначения для языка. Но где здесь проблема? А проблема есть. Не только потому, что «проблема» – это тоже греческое слово со своим значением, но и потому, что миф – это не просто язык, а язык, который впервые сам о себе задумался. Это тот язык или та речь людей о своем языке, которая задает вопрос: откуда я пришел? Откуда я, этот язык? Как я родился? Где мое рождение случилось? Зачем я здесь нахожусь? Что я такое? Как я могу себя описать, нарисовать? Иначе говоря, язык понимается здесь не просто инструментально, как некий набор знаков, некая знаковая система, которой мы пользуемся, для того чтобы что-то выражать. Нет. Первое и самое существенное – это повествование, изнутри которого появляется вопрос о его собственной сущности: почему он такой или почему я такой?

Фундаментальная трудность языка, если рассматривать его на фоне мифа, – это осознание того, что язык – единственный предмет, который изучается с помощью самого этого предмета. Когда вы занимаетесь анализом, например, каких-то данных в естественных науках, у вас есть инструменты, и эти инструменты не тождественны объекту, который они исследуют. А в нашем случае для понимания языка нет никаких других инструментов, кроме самого языка. И миф есть первичная сущность, которая рассказывает о себе с помощью повествования, она рассказывает истории.

«История» – это тоже греческое слово, но в данном случае мы говорим об историях (мифах), которые случились однажды и все время повторяются. Миф – это то, что живет с каждым человеком в его привычном рассказе – рассказе в том числе и о себе. Даже когда мы говорим о событиях совсем недавних, но прошедших, в этом смысле соединившихся в прошлом с преданиями, с мифами «старины глубокой», со сказками, со всем тем, что покрывается словом «миф», мы говорим: «Это стало мифом».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.